Сильвия Серрано

Время соборов: культовые здания и политическая легитимность в постсоветской Грузии

Silvia Serrano

The Time of Cathedrals: Religious Buildings and Political Legitimation in Post-Soviet Georgia

Silvia Serrano — Université d'Auvergne, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (Paris, France). serrano.sil@gmail.com

In the past two decades, the Orthodox Church of Georgia as an institution has been considerably strengthened, and its influence in the public space has significantly grown. As demonstrated by numerous studies, this is partly due to the link between national and religious identities and to the instrumentalization of religion by political elites. However, the concrete ways in which the public authorities have sought to establish their legitimacy thanks to religious references remain to be scrutinized, as well as the constraints they are subjected to. This article focuses on the games of power and strategies of the Patriarchate and the Government around the construction and reconstruction of two cathedrals, Sameba and Bagrati, and on the challenges of building the symbolic national space. Through the analysis of the attempts of the Saakashvili Government to use the symbolic resources provided by major religious buildings, it sheds some light on the limits of the instrumentalization of Orthodoxy in the legitimization of power.

Keywords: Orthodox Church of Georgia, national heritage, churches building, de-secularization, public space, religion and politics.

Первая годовщина «революции роз», 23 ноября 2004 г., была ознаменована освящением кафедрального собора Самеба (Пресвятой Троицы) Католикосом-Патриархом Илией II в присутствии православных иерархов, представителей

Статья написана в рамках проекта CASCADE (http://www.cascade-caucasus.eu/)

других культов, а также новых политических властей — от президента Михаила Саакашвили и его предшественника до председателя парламента Нино Бурджанадзе и главы правительства Зураба Жвании. На первый взгляд, церемония являла зрелище «симфонии» между светской и религиозной властями, столь часто упоминаемой в православном контексте. Однако одной из приоритетных задач команды, пришедшей к власти в результате оспаривания сфальсифицированных результатов выборов 2003 г. и свержения Э. Шеварднадзе, было уменьшение влияния церкви. Обещанная «демократия» предполагала утверждение новых взаимоотношений между светской властью и культами; такую задачу ставили некоторые из наиболее близких к президенту советников, известных своим антиклерикализмом[1]. Тем не менее два срока президентства Михаила Саакашвили завершились значительным укреплением Грузинской православной церкви как института и ростом ее влияния в публичном пространстве[2].

Этот парадокс объясняется сочетанием нескольких факторов. Цель настоящей статьи — рассмотреть, как правительство Саакашвили обращалось к ресурсам православия и каковы были последствия этой политики. Если говорить конкретнее, то тема статьи — строительство или восстановление двух религиозных зданий: собора Самеба в Тбилиси и собора Баграти в Кутаиси. Недавние исследования о строительстве или реконструкции церквей показали, что сутью этих событий является включение религии в публичную сферу[3], что не всегда сводится к процессам десекуляризации[4]. Две названные постройки свидетельствуют о роли монументальных зданий в символическом выстраивании городского пространства и о важности культовых зданий как «средства символической легитимации и укрепления политической и экономической власти»[5]. Способы,

1. Serrano, S. (2013) "La construction en Géorgie d'une Laïcité Postsoviétique : Mise en œuvre, Mise en Cause et Résistance", *Revue d'études comparatives Est-Ouest* 44 (01): 77-112.
2. Это усиление количественно выражается в размерах финансирования, в увеличении числа епархий и т.д. Zviadadze, S. (2014) *Politik und Religion in Georgien, Die Beziehungen von Staat und Kirche und Säkularisierungsproblematik im Postkommunistischen Georgien*. Hambourg Verlag Dr. Kovač.
3. Casanova, J. (2008) "Public Religions Revisited", in H. de Vries et al. *Religion: Beyond a Concept*, pp. 101-119. New York. Fordham University Press.
4. Andézian, S. (2010) "Introduction: Procès de Foundation", *Archives des Sciences sociales des Religions* 151: 9-23.
5. Antonyan, Y. (2015) "Political Power and Church Construction in Armenia", in A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde (eds) *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*, p. 81. Routledge.

какими церковные и государственные институции позиционируют себя в отношении этих двух соборов, иллюстрируют сложный и извилистый путь десекуляризации на постсоветском пространстве[6].

Собор и дворец: семиотика города

Собор Пресвятой Троицы (Самеба) в Тбилиси символизирует вновь обретенную церковью власть. Он воплощает ее своими внушительными размерами и положением на возвышенности, доминируя над городской застройкой в целом. Но мы увидим, как правительство, пришедшее к власти после «революции роз», попыталось бросить вызов символической монополии церкви, унаследованной от прошлого, и создать новый, чисто светский и независимый от религии символ легитимации власти — президентский дворец. Так, сосуществование мирской и духовной властей проецируется на городской пейзаж.

Собор

Решение воздвигнуть собор восходит к 1989 г. Оно было принято в связи с полуторатысячелетней годовщиной автокефалии Грузинской церкви[7] и подготовкой к празднованию двухтысячелетия рождества Христова[8].

Главный архитектор собора, Арчил Миндиашвили[9], рассказывает: в мае 1989 г., вскоре после кровавого подавления митингов 9 апреля, патриархат и городские власти Тбилиси объявили

6. *Карпов В.* Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 114–174.

7. Автокефальная церковь Грузии была ликвидирована в 1811 г., после российского завоевания. В 1917 г. грузинские епископы объявили о восстановлении автокефалии, но впоследствии церковь была ослаблена вследствие антиклерикальной политики советской власти. Правда, благодаря Сталину церковь получила самостоятельный статус и была признана Русской православной церковью как автокефальная; однако лишь в 1990 г. ее автокефалия была признана Вселенским [Константинопольским] патриархом.

8. Интересно, что замысел возведения собора возник одновременно с кампанией за восстановление храма Христа Спасителя в Москве; другим примером может быть строительство грандиозного Собора спасения нации (*Catedrala Mântuirii Neamului*) в Бухаресте — см. Capelle-Pogacean, A. (2008) "L'orthodoxie Nationale en Roumanie, le Miroir Eclaté ?", in A. Capelle-Pogacean, P. Michel, E. Pace (eds) *Religion(s) et Identité(s) en Europe*, pp. 177-211. Paris: Les presses de Sciences Po. Здесь будет уместно вспомнить и возведение мечети Кул-Шариф в Казани.

9. Интервью с Арчилом Миндиашвили, Тбилиси, 2010.

международный конкурс на лучший проект собора, призванного стать патриаршим вместо Сионского собора в центре Тбилиси. «То были последние часы СССР», — подчеркивает архитектор. Коммунисты все еще находились у власти, но «они были грузинами». Проект Миндиашвили был отобран из нескольких десятков других. Однако экономические проблемы, с которыми вскоре столкнулась Грузия после обретения независимости, задержали его реализацию, и только в 1995 г. работы наконец начались. 3 ноября 1995 г., в день св. Георгия — покровителя страны — состоялось освящение строительного участка; а позднее, 3 марта 1996 г., — церемония в честь закладки первых камней фундамента. Оба обряда были совершены в присутствии тогдашнего президента Э. Шеварднадзе. Первая служба в соборе состоялась 25 декабря 2002 г.

Этот собор — архитектурное воплощение грузинского «церковного ренессанса», юридическим выражением которого стало подписание в том же году, месяцем раньше, «конституционного соглашения» между государством и церковью (по этому соглашению церковь получала многочисленные привилегии).

Самеба возвышается на холме св. Илии, в квартале Авлабари, на высоком берегу Куры. По словам архитектора, в том месте, где сначала предполагалось строительство, находилось Управление дорожной инспекции. Требовалось переселить 270 семей, но в связи с наплывом вынужденных переселенцев, вызванным территориальными конфликтами, переселение такого множества людей было непростым делом. Тогда выбор пал на жилой квартал Ваке, но и он не подошел, потому что Ваке, как говорит архитектор, — это «своего рода тупик» на плане города[10]. В конце концов компетентная смешанная комиссия, состоявшая из представителей патриархии и городских властей, предложила парк Дружбы — тоже в Авлабари. Патриархия согласилась с этим выбором, так как это место можно видеть из любой точки Тбилиси; удовлетворило оно и городские власти, потому что старые дома в том районе ветшали, и стройка давала удобный повод к улучшению внешнего вида и обновлению квартала. Так потребность в восстановлении городской застройки и происходящая приватизация недвижимости позволили церкви обеспечить удачное местоположение собора.

10. Интервью с Арчилом Миндиашвили, Тбилиси, 2010.

Монументальность собора являет собой могущество церкви. Комплекс включает резиденцию патриарха, монастырь, семинарию и духовную академию, несколько мастерских и т.д. Сам собор, в плане крестообразный, состоит из девяти приделов; он насчитывает семьдесят семь метров в длину с востока на запад и шестьдесят пять метров в ширину с севера на юг. Позолоченный крест высотой в семь с половиной метров увенчивает ансамбль. Согласно Википедии, это «третий в мире православный храм» по высоте и «самый большой православный собор» в Закавказье; в любом случае, это самый большой из когда-либо возведенных в Грузии храмов.

Архитектурная концепция собора вписывается в православную традицию и развивает ее. Здание включает в себя камни и почву из Святой земли, из различных монастырей или святых мест, а также фрагменты древнего грузинского престола и *acheiropoetos* — нерукотворного креста, найденного в горах[11]. Пять приделов — подземные, так как католикос-патриарх потребовал, чтобы постройка была укреплена на скале, согласно традиции[12]. Собор, «соединяющий различные традиционные архитектурные стили Грузии»[13], являет собой архитектурную метонимию: новое здание, которое с бо́льшим совершенством воплощает то, что представляли собой древние церкви[14].

Самеба в равной степени послужила испытательной площадкой для строительства новых церквей и средством утверждения церковными властями современной архитектурной нормы в возведении культовых зданий. Тем не менее его постройка стала, по словам Арчила Миндиашвили, настоящим вызовом, поскольку архитекторы, получившие образование в советскую эпоху, не имели опыта возведения церквей. Так что, говорит Миндиашвили, ему «пришлось начинать с нуля, не имея ни-

11. Manning, P. (2008) “Materiality and Cosmology: Old Georgian Churches as Sacred, Sublime, and Secular Objects”, *Ethnos* 73(3): 327-360.

12. Интервью с Арчилом Миндиашвили, Тбилиси, 2010.

13. Cathédrale de la Trinité de Tbilissi, *Wikipedia* [http://fr.wikipedia.org/wiki/Cath%C3%A9drale_de_la_Trinit%C3%A9_de_Tbilissi, accessed on 15.10.2012].

14. Статья в «Гардиан», посвященная разрушению исторического грузинского наследия, сопроводила фотографию собора Пресвятой Троицы надписью: «Богатое архитектурное наследие под угрозой: собор Пресвятой Троицы в Тбилиси». «Письмо из Тбилиси: Грузия принимает демократию, но разрушает свое прошлое», *The Guardian*, 14 октября 2012 г. (Редакция «Гардиан» ошибочно посчитала новый собор древней церковью) [http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/oct/14/georgia-embracing-democracy-destroying-past, доступ от 13.06.2016].

чего, кроме книг по архитектуре грузинских церквей», которые еще предстояло изучить. Как архитектор Арчил сформировался на стройке: свою первую церковь он возвел в 1991 г., а к 2010 г. мог похвастаться тем, что был автором более пятидесяти проектов.

Миндиашвили подчеркивает, что проект собора Пресвятой Троицы, представленный на конкурс и одобренный архитектором города, был разработан в ходе консультаций с духовенством. Контроль над соблюдением канонических архитектурных правил очень важен сегодня, когда, по замечанию Пола Мэннинга, в стране возводится больше церквей, чем за предшествовавшие две тысячи лет[15]. Ведь эти новые здания, самых разных размеров, равно как и реставрация древних руин, есть результат частных инициатив, сплошь и рядом реализуемых бесконтрольно. В теории любой план должен быть одобрен Патриаршим советом, образованным в начале 1990-х годов для рассмотрения проектов построек и фресковой росписи и состоящим из духовенства, архитекторов и искусствоведов. Здания должны соответствовать национальной архитектуре, значение которой заключается теперь не только в следах прошлого, хранимого коллективной памятью, но и в возрождаемой религиозной практике. Впоследствии Арчил Миндиашвили возглавил Центр архитектуры, созданный при патриархии. Соответствие архитектурной норме, утвержденной патриархом, которая хотя и отличается новизной в сравнении со средневековыми церквами — главным образом в смысле размеров, — однако сохраняет с ними прямую связь, есть важный элемент сохранения идентичности церковной архитектуры и восприятия ее горожанами.

Выбор Авлабари, кроме всего прочего, способствовал и «грузинизации» столичного пейзажа. Дело в том, что на этом месте располагалось самое древнее армянское кладбище города, известное под названием Ходживанк. Там же стояла армянская церковь Пресвятой Богородицы, разрушенная одновременно с большей частью гробниц и памятников в конце 1930-х гг., когда кладбище было превращено в парк культуры и отдыха. С самого начала строительства были обнаружены кости и могильные камни,

15. Manning, P. “Materiality and Cosmology: Old Georgian Churches as Sacred, Sublime, and Secular Objects”.

и протесты на некоторое время задержали работы[16]. Таким образом, строительство собора означало стирание следов присутствия национального и религиозного меньшинства[17].

В итоге строительство собора вписалось в динамику приведения городского пейзажа в соответствие с утверждением национальной идентичности; собственно, деятельность патриархата, городских властей и правительства как раз и были ориентированы в этом направлении. Относительно возведения собора в грузинском обществе существовал полный консенсус.

Дворец

Когда Михаил Саакашвили пришел к власти, его правительство вынуждено было иметь дело с церковью, находящейся на подъеме и занимавшей доминирующие позиции в публичном пространстве. Это положение было результатом политики предыдущих правительств — при Гамсахурдии и Шеварднадзе — и резко ограничивало выбор возможностей для новой власти. Конечно, оно предоставляло определенный набор символических ресурсов, которые власть могла использовать для своей легитимации[18]. Но оно мешало политике Саакашвили в двух отношениях: во-первых, нарушало равновесие между светской и религиозной властями, и, во-вторых, «навязывало» такое понятие нации, носителем которого была церковь.

Хотя некоторые из членов ближнего круга Саакашвили мечтали о реформе или подчинении института церкви, президент не мог пойти в лобовую атаку. Правительство тогда не поддержало учащихся семинарии и духовной академии, вдохновленных ветром свободы, который принесла «революция роз», и требовавших демократизации и модернизации церкви. Поскольку коман-

16. Строительство вызвало протесты армянской общины, но они не нашли отклика у грузинской общественности и известность получили главным образом за пределами Грузии.

17. В то же время некоторые армянские храмы были покинуты из-за неразрешенного конфликта с претендующей на них Грузинской церковью и незаинтересованностью властей в сохранении наследия меньшинств.

18. Janelidze, B. (2015) “Secularization and Desecularization in Georgia: State and Church under the Saakashvili Government (2003-2012)”, in A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde (eds) *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*, pp. 63-80. Routledge; K’ek’elia T, Gavashelishvili E, Ladaria K’, Sulkhanishvili I. (2013) მართლმადიდებელი ეკლესიის როლი ქართული ნაციონალური იდენტობის ჩამოყალიბებაში (XX საუკუნის ბოლო — XXI საუკუნის დასაწყისი) [Роль Православной церкви в формировании грузинской национальной идентичности в конце XX — начале XXI в.]. Academic Swiss Caucasus Network, Tbilissi.

да, пришедшая к власти, оказалась разделенной по религиозному признаку (Зураб Жвания позиционировал себя как практикующий православный христианин, близкий к некоторым иерархам), Саакашвили не мог подчинить себе церковь.

В противовес престижу и авторитету церкви Саакашвили попытался утвердить зримый центр власти на возвышенном месте Тбилиси, используя те же способы выражения могущества — гигантизм и демонстративность архитектурного жеста. Воздвижение президентской резиденции, скорее даже дворца, на том же Авлабари, на месте, где первоначально предполагалось построить Самеба[19], иллюстрирует «инструментальную мобилизацию эстетических форм на службу идеологии, определенному типу власти»[20]. Это здание — по словам президента Саакашвили, «самое грандиозное правительственное здание, построенное в Грузии за последние две тысячи лет»[21], — было также предназначено стать новым символом Грузии. Кроме всего прочего, этот жест как бы вписывал в публичное пространство принцип разделения религиозной и светской властей.

Два здания во многом противоположны. Национальному почвенничеству церкви противостоит обращенность светской власти к внешнему миру, традиции — энергия модернизации, камню — стекло. Выстроенное в неоклассическом стиле, с колоннадой, напоминающей Белый дом, здание было задумано грузинским зодчим Георгием Батиашвили, а завершено итальянским архитектором Микеле де Лукки (он также является автором здания Министерства внутренних дел и Моста мира). В декоре здания использованы элементы греко-римского стиля и итальянского Возрождения. Стеклянный купол спроектирован грузинским архитектором Вахтангом Зесашвили и итальянцем Франко Загари, а выполнен в Германии.

Дворец тоже подчеркивает национальную идентичность, но совсем не так, как собор. Здесь мы находим фреску, представляющую знаковые события грузинской истории (от «возрождения грузинской культуры в XIX в.» до «второй половины XX в., переходного периода, гражданской войны, хаоса, трагедии 9 апреля», затем — прямо к «революции роз», минуя СССР). Здесь же

19. Строительство началось в 2004 г. и завершилось в 2009 г.

20. Colas, D. (2006) *Sociologie Politique*. Paris : PUF-Quadrige.

21. "Saakashvili: New Presidential Palace 'Costs a Trifle'", *Civil Georgia*, 11.07.2009. [http://www.civil.ge/eng/article.php?id=21220, accessed on 17.10.2012].

находятся вращающийся монумент, символизирующий три ветви власти (судебную, законодательную, исполнительную), и фонтан, спроектированный испанским скульптором и состоящий из фрагментов стекла: он представляет многонациональную Грузию. Эти отсылки помещают Грузию в контекст западного модерна — политического и социального. Один из залов носит имя Эквтиме Такаишвили (1863–1953), хранителя грузинского культурного наследия после советизации, впоследствии канонизированного Грузинской церковью. Во дворце есть музей, где выставлены подарки президенту. Один из наиболее ценных — рукопись Библии XI в. в золотом окладе, покрытом драгоценными камнями, преподнесенная одним из эмигрантов — потомков Багратиона[22]. Как мы видим, религиозный элемент присутствует, но занимает место, которое отвели ему светские власти, — место секуляризированных «культурных ценностей» как части «культурно-исторического наследия».

Собор Самеба противопоставляет такой секулярной интерпретации — живую религию. Он воспроизводит стиль старинных церквей, но не принадлежит к историческим памятникам. Он говорит о величии и жизнеспособности сегодняшней церкви, а не о легитимирующей славе прошлого. У собора есть множество функций: это место культа, место власти, символ нации, символ традиции; масштабность проводимых в нем богослужений свидетельствует о том, что он был вполне принят населением. Президентский же дворец перегружен символами, в том числе религиозными, но его неспособность воплотить нечто большее, чем фигуру хрупкой и эфемерной власти президента, свидетельствует о недостатке легитимности светских властей.

Внешняя броскость обоих тбилисских зданий резко контрастирует с непрозрачностью обстоятельств, при которых они были воздвигнуты, в частности, финансовых. Однако способы финансирования и то, как эта непрозрачность воспринималась в процессе символического восприятия дворца и храма, были различны.

Президентский дворец был возведен благодаря ресурсам, в том числе ресурсам принуждения, которыми располагало неопатримониальное государство[23]. По словам М. Саакашвили, дво-

22. Официальный сайт президента [http://www.president.gov.ge/en/ThePalace/History, доступ от 16.10.2012].

23. Так, в ходе строительства разразился скандал, связанный с нежеланием частного собственника уступить участок земли, граничащий с зоной строительства. Соб-

рец стоил «сущий пустяк» (13 миллионов лари)[24]. В действительности работы обошлись в сотни миллионов долларов, не считая муниципальных средств на развитие всего квартала, инфраструктуры (вода, газ, электричество) и на компенсации при переселении жителей. Вся эта скрытность резко противоречит той «прозрачности», которая была провозглашена Саакашвили как суть демократических реформ, и она подрывает доверие к власти. Президентский дворец быстро становится символом не столько непрерывности грузинского государства, сколько именно правления М. Саакашвили и всего, что с ним связано. После поражения партии Саакашвили на выборах 2012 г. дворец оказался в центре политических конфликтов, связанных с противостоянием между премьер-министром и президентом[25].

Точную сумму затрат на возведение храма Самеба также узнать невозможно: надежных источников, которые могли бы прояснить происхождение средств или итоговую стоимость работ, не существует[26]. Однако вплоть до самого недавнего времени, когда некоторые неправительственные организации попытались выяснить документальную сторону финансирования культовых зданий, эта непрозрачность не вызывала споров. Реализация многих проектов по строительству церквей стала возможной благодаря коллективному финансированию через специальный фонд. Официально патриархат направлял на эти цели пожертвования прихожан, подчеркивая таким образом, что вся нация вносит вклад в возведение храмов. Согласно распространенной практике, в фундамент церкви закладывается список жертвователей, благодаря которым строительство стало возможным.

В действительности основными донорами является ограниченное число лиц — политиков и бизнесменов. По словам архитектора, Э. Шеварднадзе участвовал, например, в финансирова-

ственник участка отказался от предложенных условий, но был избит и вынужден был покинуть страну.

24. “Saakashvili: New Presidential Palace ‘Costs a Trifle’”.

25. Премьер-министр Б. Иванишвили потребовал от президента Маргвелашвили покинуть дворец, аргументируя это непомерными расходами на его содержание, и пообещал провести расследование с целью выяснить общую стоимость строительства. Но президент решил остаться в резиденции во имя сохранения преемственности президентской власти.

26. Строительство крупных городских зданий вообще характеризуется почти полной непрозрачностью в том, что касается состава акционеров и условий заключения сделок — без объявления тендеров, без конкуренции архитектурных бюро и строительных компаний.

нии строительства колокольни; золото для креста оплатил другой меценат; грузинские эмигранты также внесли свой вклад. Начиная с 2000 г. значительную часть работ финансировал Бидзина Иванишвили. Один из его приближенных вошел в состав фонда, что позволяет Иванишвили контролировать расход средств изнутри. Миллиардер Иванишвили купил карьер и завод в Болниси для производства строительных материалов, необходимых для возведения здания[27]. В новом моральном контексте, связанном с перераспределением ресурсов и перестройкой традиционных клиентских отношений, одна из функций культового здания заключается в том, чтобы повышать социальный статус и престиж донора, как это показали Томас Кёльнер на примере России[28] и Юлия Антонян на примере Армении[29]. Таким образом, церковные здания становятся ареной соперничества богатых и могущественных. Пожертвование на собор — это дань сообществу, отдача от которой измеряется легитимностью, в том числе в ходе политической конкуренции.

Пространственное соседство двух зданий на холме Авлабари выявляет слабость властей и неудачу попытки утвердить центр светской власти, свободный от церковной легитимации. Секулярный проект президента потерпел неудачу.

Собор Баграти, или Саакашвили как поборник десекуляризации

Споры вокруг президентского дворца являются следствием недостатка легитимности, которую испытывают светские власти, если они пытаются обойтись без ссылок на религиозный символический ресурс. Причиной трудностей для властей может быть, например, их неспособность приостановить обеднение значительной части населения. Поэтому власти нуждаются в иных символических опорах, в частности — религиозных. Споры вокруг восстановления собора Баграти в пригороде Кутаиси, известного памятника средневековой церковной архитектуры, позволят нам показать, как власти пытаются обратить в свою пользу символический капитал православия.

27. Интервью с архитектором Арчилом Миндиашвили, Тбилиси, 2010.

28. Köllner, T. (2013) “Businessmen, Priests and Parishes. Religious Individualization and Privatization in Russia”, *Archives de sciences sociales des religions* 162: 37-53.

29. Antonyan, Y. “Political Power and Church Construction in Armenia”.

Итак, на символ возвращенного величия церкви — собор Пресвятой Троицы — власти ответили возведением здания, призванного воплотить публичную мощь государства — президентского дворца. Столкновение между светскими и религиозными силами вокруг храма Баграти подчиняется иной логике: речь идет уже не о подчеркивании разделения между политическим и религиозным в публичном пространстве, а, если можно так сказать, о «внедрении» политического в саму материю религиозного здания. Дискуссии вокруг восстановления собора Баграти свидетельствуют о трансформациях в отношении к историческому наследию и иллюстрируют непоследовательный характер процессов десекуляризации.

«Культурно-историческое наследие»: между церковью и государством

В силу своего двойственного — религиозного и культурного — характера «культурное наследие» принадлежит как светской власти, так и церковной. С правовой точки зрения, в силу конституционного соглашения, древние культовые здания были возвращены церкви и отныне являются ее собственностью. Но в качестве национальных памятников они находятся под попечительством Министерства культуры и Национального агентства по культурному наследию, обязанного обеспечивать их сохранность. С символической точки зрения эти памятники представляют собой хранилища национальной культуры и материальные следы прошлого, но в то же время — это священные места, где церковь стремится восстановить богослужение.

Собор Успения Богоматери датируется XI в. Он был возведен во время царствования Баграта III (1008–1014), основателя единого Грузинского царства, и носит его имя. Здесь был коронован Давид Строитель (1089–1125). Как для патриархата, так и для правительства собор служит напоминанием о былой славе Грузии и об «исторической роли церкви», подчеркиваемой в статье 9 Конституции. Одновременно Баграти символизирует возвращение независимой Грузии в сообщество наций, а также международное признание, которым пользуется страна с тех пор: собор стал одним из первых памятников в списке всемирного наследия ЮНЕСКО, куда он был внесен в 1994 г., наряду с монастырем Гелати (близ Кутаиси), собором Светицховели (Мцхета, близ Тбилиси) и церковью Джвари (там же).

В 2007 г. патриархат по своей инициативе призвал к восстановлению собора, принадлежащего ему согласно конституционному соглашению. Светские власти ответили благосклонно. Саакашвили принял на себя обязательство «с благословения патриарха и под его наблюдением начать в ближайшие недели работы по реставрации Баграти — символа возрождения и мощи Грузии»[30]. Был создан специальный фонд, деятельность которого, как и в случае строительства храма Самеба, трудно проследить, и со следующего года работы начались. Религиозные и светские деятели были едины в своем внимании к этой жемчужине национального достояния. Тем не менее строительным работам в Баграти предстояло стать полем долгих споров вокруг социального и политического значения «культурного наследия».

«Культурное наследие» играло ключевую роль в сохранении церкви и национальной идентичности в советскую эпоху, особенно после Второй мировой войны. Первый в Советском Союзе Центр по восстановлению исторических памятников был создан в Грузии в 1949 г.[31]; затем в 1959 г. возникло Общество охраны памятников истории и культуры. С 1970-х гг., когда первым секретарем компартии Грузии был Э. Шеварднадзе, Центр щедро финансировал работы по реконструкции и реставрации культурного наследия[32]. Было восстановлено немало церквей в соответствии с проектом, разработанным научным советом Управления по охране памятников. В 1978 г. Шеварднадзе подписал Положение об охране и использовании памятников истории, культуры и природы — закон, позволяющий привлекать к работе и оплачивать труд квалифицированных ученых. Бюджет, выделенный на охрану культурного достояния, был существенно увеличен. Защита национально-культурного наследия находилась в центре «национального движения» 70-х годов прошлого века.

После обретения Грузией независимости соборы — культовые здания, превращенные в «памятники» и, как следствие, секуляризированные, — стали источниками легитимации власти. Так, для проведения своей инаугурации 24 января 2004 г. Саакашвили

30. ბაგრატის ტაძარი — ასლი თუ ორიგინალი [Собор Баграти: копия или оригинал?] // ტაბულა [Табула]. 25.06.2012.

31. Gordadze, T. (2006) *Formation Socio-Historique de la Nation Géorgienne. Les legs des Identités Pré-Modernes, les Idéologies et Acteurs Nationalists*. Dissertation, supervisor D. Colas.

32. Интервью с урбанистом и архитектором, специалистом по культурно-историческому наследию Тбилиси Ладо Вардосанидзе, Тбилиси, апрель 2010.

отправился в собор Гелати, чтобы принять благословение от католикоса-патриарха: там президент впервые принес присягу на могиле Давида Строителя.

Постсоветские власти уделяли большое внимание символической выгоде, которую они могли извлечь из культурно-исторического наследия и его сохранности; однако за десятилетия независимости материальное достояние Грузии разрушалось. Это объясняется отсутствием средств, связанным с распадом государства, утратой его монополии в данной области и появлением множества индивидуальных инициатив вокруг древних построек. Многие церкви были восстановлены без всякой экспертизы или уведомления компетентных служб, что иногда приводило, наоборот, к разрушению зданий. Так, собор Светицховели был внесен в 2009 г. в список памятников, находящихся под угрозой вследствие небрежно проводившихся археологических раскопок и приватизации земельных участков, непосредственно прилегающих к храму.

Позиция властей в отношении Баграти вписывалась в политику восстановления контроля над культурным наследием. Была здесь и другая цель: изъять его из исключительной компетенции патриархата и поставить на службу правительственной политики. Так «культурное наследие» становится предметом конфронтации между церковью и государством[33]. Вторая церемония инаугурации Саакашвили проходила 21 января 2008 г. на руинах собора Баграти. Выбором места, символизировавшего объединение Грузии, президент заявил о своем намерении восстановить суверенитет Грузии над Абхазией и Южной Осетией. Но это был также способ утвердить здесь присутствие государства вскоре после того, как католикос-патриарх выступил с инициативой восстановления собора.

Восстановление предоставило правительству возможность вмешаться в само строительство культовых зданий и подчинить его политической логике. В конфликте вокруг восстановительных работ президент, вопреки собственной воле, оказался в роли одного из тех «светских агентов десекуляризации», о которых говорит

33. Эта конфронтация имеет место и на других участках. Так, в 2010 г. патриархат провалил переговоры между министерствами культуры Турции и Грузии о восстановлении церквей на турецкой территории и мечетей на грузинской территорию. Грузинскому правительству удалось получить подпись под соглашением в 2012 г.

В. Карпов[34], тогда как патриарх использовал в своих интересах аргумент в защиту культурно-исторического наследия. Государственные и церковные деятели как бы поменялись местами.

Реставрация или реконструкция: противники меняются местами

Собор Баграти дошел до наших дней в полуразрушенном состоянии. Крыша и купол подверглись разрушению во время турецкой осады 1691 г., затем верхняя часть собора пострадала в 1770 г. от выстрелов русской артиллерии при взятии крепости Кутаиси. Восстановительные работы начались в 1952 г. в рамках советской политики возрождения историко-культурного наследия и продолжались вплоть до распада СССР. Не существует никаких изображений или чертежей собора Баграти в его изначальном виде, до разрушения его турками. Между тем, согласно Международной хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест ИКОМОС (Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест), принятой в 1964 г., реставрация имеет целью «сохранение и выявление эстетических и исторических ценностей памятника. Она основывается на уважении к исторической точности и на подлинных документах. Реставрация прекращается там, где начинается гипотеза...»[35].

Следовательно, логика отношения к культурному наследию предписывала реставрацию руин, но не предусматривала реконструкции. Опасаясь фатальных искажений, ЮНЕСКО с 2004 г. настаивала на уважительном отношении к всемирному значению памятника и к его подлинности, а международные эксперты пришли к выводу, что здание должно остаться в состоянии руин, в каковом оно и было внесено в список ЮНЕСКО.

Тем не менее светские власти, оппозиция и церковь в полном согласии приняли проект реконструкции, а не реставрации в строгом смысле. Все стороны видели в реконструкции, по словам Саакашвили, «мечту всего грузинского народа»[36]. Реконструкция

34. *Карпов В.* Концептуальные основы теории десекуляризации.

35. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия 1964 г.) [http://www.icomos.org/charters/venice_f.pdf, доступ от 27.03.2016].

36. სააქაშვილი:"ბაგრათის ტაძარი უნდა აღდგეს, ამაზე მე საერთ'ოდ არ შევიც'ვლი აზრს" [Саакашвили: собор Баграти должен быть реконструирован, я не изменил своего

должна была вернуть собору «его славу и блеск»[37] и прежде всего сделать возможным проведение в храме богослужений. В самом деле, с точки зрения католикоса-патриарха, «церкви предназначены для богослужений, а не для того, чтобы быть просто историко-культурными памятниками»[38]. Подобная аргументация ожидаема со стороны церкви, но интересно, что ту же позицию заняли и светские власти. Предпочтение, отданное реконструкции (вместо реставрации), они также мотивировали стремлением вернуть зданию его первоначальную культовую функцию, пусть даже в ущерб сохранению его архитектурной подлинности.

План восстановительных работ, одобренный летом 2009 г. Министерством культуры и комиссией по охране памятников, предусматривал полную реконструкцию места. Саакашвили прямо оправдывает этот выбор в речи, произнесенной во время национального праздника 26 мая 2012 г.: «Многие мне говорят, что реконструкция собора Баграти — это варварство, что никто не реконструирует Акрополь в Греции. Однако я думаю, что Баграти строили для того, чтобы в нем молились, и он должен быть восстановлен, чтобы сегодняшние грузины тоже могли в нем молиться»[39].

Согласованный отказ светских и церковных деятелей рассматривать культовые здания как памятники проявляется в тех формулировках, которые выдвигают обе стороны. Эти позиции нас интересуют здесь потому, что они нацелены на изменение конфигурации отношений между светскими и религиозными властями и на перераспределение ресурсов легитимности. В самом деле, занятая позиция делает возможным архитектурное вмешательство, посредством которого правительство может получить символический контроль над местом культа, модернизировать его. Ходили слухи, что реконструкция собора будет осуществляться в соответствии с теми же архитектурными принципами, что и другие престижные постройки, реализованные по инициативе Саакашвили. Изменение статуса Баграти, выведение его из категории «памятников» и его возвращение к культовым функциям (на чем

мнения] // Civil.ge. 22.10.2009 [http://www.civil.ge/geo/article.php?id=21908, доступ от 10.07.2013]

37. Ibid.

38. პატრიარქი ბაგრატის ტაძარში სარესტავრაციო სამუშაოების შეჩერებას ითხოვს [Патриарх требует восстановить собор Баграти] // Сайт Фонда Католикоса-Патриарха. 17.06.2012 [http://patriarch.ge/news/id/1051, доступ от 20.11.2012].

39. ბაგრატის ტაძარი — ასლი თუ ორიგინალი [Собор Баграти: копия или оригинал?].

настаивал, как мы видели, президент-реформатор) имело целью не отказ от здания в пользу церкви, а, наоборот, его «привязку» к государству, а значит, подчинение религиозного ресурса политической воле.

Решение проводить реконструкцию, а не реставрацию вызвало критику как внутри грузинского общества, так и за рубежом. Судьба Баграти превратилась в одну из наиболее деликатных проблем, с которыми столкнулся Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО. В 2008 г. Комитет потребовал от Грузии дать гарантии того, что работы не начнутся, прежде чем точная и полная документация не будет им изучена и одобрена. Правительство проигнорировало это обращение. В июле 2010 г. ЮНЕСКО впервые потребовала остановить работы и внесла собор, наряду с монастырем Гелати, в список памятников, находящихся под угрозой. Комитет выразил «глубокую озабоченность в связи с необратимыми вмешательствами, осуществляемыми на месте в рамках масштабного проекта обновления». Он посчитал, «что этот проект нарушит целостность и подлинность памятника, и следует незамедлительно положить конец его реализации»[40].

В самой Грузии в социальных сетях возникло сильное протестное движение, идущее от архитекторов, писателей, историков, специалистов-реставраторов, неправительственных организаций. Высказывались сожаления по поводу того, что план реконструкции обсуждался лишь в узком кругу экспертов и был принят без публичных дискуссий. Выражалось возмущение по поводу запланированных архитектурных модификаций, детали которых так и не стали доступными широкой публике.

Параллельно с этим, в силу сложной природы события, в адрес правительства звучала резкая критика с противоположного политического фланга и из других слоев общества. Так, на следующий день после того, как ЮНЕСКО пригрозила исключить собор из списка культурного наследия, находящегося под угрозой, молодежное крыло кутаисского отделения организации «Грузинская мечта» организовало манифестацию, участники которой объяснили, что они не против восстановительных работ, напротив, выступают «за реконструкцию церкви и за то, чтобы там проводились богослужения»; они лишь настаивают на том, «чтобы церковь была реставрирована с учетом древних деталей», и счи-

40. Решение 34 COM 7B.88 Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО [http://whc.unesco.org/fr/decisions/4196, доступ от 10.02.2016].

тают неприемлемым «присутствие современных архитектурных элементов»[41]. Пресс-секретарь Национального агентства по защите культурного наследия вынужден был публично опровергнуть замысел возведения стеклянного купола. Архитектор был недоволен некоторыми решениями, которые ему навязывались, — например, проектом остекленной шахты лифта, задуманной итальянским архитектором[42].

Оппозиция правительственной политике, по сути, состояла в призывах отказаться от современных элементов реконструкции и вернуться к архитектурной традиции согласно православному канону. В силу невозможности реставрации здания (ибо никто не знает, как оно выглядело до разрушения) реконструкция, по мнению критиков, должна была соответствовать *воображаемым* представлениям о том, каким *должен быть* Баграти.

Международные протесты против правительственных проектов привели к неожиданному результату: они предоставили Католикосу-Патриарху возможность вывести собор из-под государственного контроля и дали ему повод предстать в роли единственного истинного защитника традиций и культурного достояния. Патриарх принял на себя критику со стороны ЮНЕСКО и высказался в пользу согласования проекта восстановления собора со специалистами этой организации[43]. Эта позиция контрастирует с позицией, занимаемой патриархатом в других случаях, когда работы, начатые по инициативе духовенства, изначально проводились вне рамок охранного законодательства. Позиция патриарха, по сравнению с позицией светских властей, выглядит более уважительной по отношению к оценкам международной организации и более осторожной по отношению к последствиям, которые могло бы иметь изъятие объекта из списка мирового культурного наследия. Патриарх Илия занялся настоящей параллельной дипломатией, посетив штаб-квартиру ЮНЕСКО в рамках официального визита во Францию, и ему удалось изменить условия восстановления собора. Комитет «с удовлетворением отмеча-

41. «Грузинская мечта» протестует против восстановительных работ в Баграти // News.Ge, 16.06.2012 [http://news.ge/ru/news/story/18948-gruzinskaja-mechta-protestuet-reabilitacionnye-raboty-bagrati, доступ от 17.10.2012].

42. Интервью с Цирой Элисашвили, специалистом по грузинскому архитектурному наследию, Тбилиси, октябрь 2012.

43. ბაგრატის ტაძარში სარესტავრაციო სამუშაოების შეჩერებას ითხოვს [Патриарх требует остановить реставрационные работы в соборе Баграти] // Сайт Фонда Католикоса-Патриарха. 17.06.2012.

ет, что координация между грузинской церковью и национальными властями улучшилась, взаимодействие укрепилось, а действия по охране культовых и религиозных памятников Грузии, принадлежащих к мировому наследию, стали более эффективными»[44].

В 2012 г., с несколькими перерывами, работы были, наконец, закончены. Таким образом, Саакашвили успел вовремя завершить проект; церемония освящения состоялась в самом разгаре избирательной кампании, 16 сентября 2012 г., за две недели до парламентских выборов. Однако Саакашвили не удалось извлечь из этого выгоды. Несмотря на отказ от некоторых архитектурных новшеств, предусмотренных первоначальным проектом, Баграти фигурирует отныне в списке памятников, находящихся под угрозой, и Комитет всемирного наследия считает, «что собор Баграти был изменен настолько, что его подлинность оказалась непоправимо нарушенной»[45].

Поэтому светские власти не могут вполне воспользоваться авторитетом, который придавала им в глазах определенных слоев населения способность отстаивать культурное наследие от атак церкви. Бидзина Иванишвили напомнил в связи с освящением собора (на котором он лично не присутствовал), что именно он в значительной мере финансировал работы, и обвинил Саакашвили в использовании проекта в политических целях. Со своей стороны, патриарх назвал восстановление собора «великим чудом»[46] и пригласил многих политиков всех направлений на освящение другого собора — в Поти, которое должно было состояться неделю спустя. Так, патриарху удалось укрепить власть церкви над производством «коллективного воображаемого» благодаря проекту, который, однако, был задуман и реализован государством. Выступая именно за реконструкцию, а не реставрацию, ведя личные дискуссии с ответственными лицами ЮНЕСКО и заставляя власти отказаться от слишком современных и кричащих решений, он как бы принял на себя роль гаранта создаваемой архитектурной традиции, но при этом тем не менее сам

44. Решение 35 COM 7A.29 [http://whc.unesco.org/fr/decisions/4363, доступ от 10.02.2016].

45. Решение 37 COM 7A.32, принятое на тридцать седьмой сессии [http://whc.unesco.org/fr/decisions/5009, доступ от 10.02.2016].

46. ბაგრატის ტაძრის კურთხევა, [Освящение собора Баграти] // Сайт Фонда Католикоса-Патриарха. 16.09.2012 [http://www.patriarch.ge/news/id/1199, доступ от 10.02.2016].

порвал с требованиями аутентичности, предъявляемыми к историко-культурному наследию.

Этот реализованный властью проект свидетельствовал о ее стремлении добиться контроля над религиозным воображением. В действительности, однако, ресурсы православия оказались под двойным контролем, и «религиозное» здесь уже не может быть сведено только к национальному или культурному содержанию.

Заключение

Архитектурные начинания властей и патриархата привели к значительным и долговременным преобразованиям городских ландшафтов. При этом проекты, реализованные властью, как правило, ассоциировались только с конкретными людьми — самим Саакашвили и его сторонниками; напротив, большие соборы являются сосредоточением всенародного воображения. Это обстоятельство помогает объяснить, почему время правления Саакашвили стало временем укрепления церкви.

Вмешательство президента в архитектурные дела отражает внутреннюю противоречивость всего правления Саакашвили — противоречивость, свойственную «демократизации сверху» вообще. Президентский дворец, как и многие другие инициированные президентом монументальные постройки, служит демонстрацией либерального, плюралистического, модернизаторского проекта, осуществляемого, однако, при помощи политических инструментов, унаследованных от советского времени. Интерес к культовым зданиям объясняется стремлением легитимировать государство и не допустить монополии церкви в публичном пространстве. Чем ниже кредит политического доверия правительству, тем сильнее оно зависит от ресурсов православного наследия, символизирующего славное прошлое и жизнеспособность нации. Однако открытие для богослужения старых и строительство множества новых церквей, копирующих старые, размывает в общественном сознании само понятие культурно-исторического наследия и делает вмешательство государства нелегитимным. Соборы Самеба и Баграти обретают в конечном счете культовые функции, а ссылки на православие в политическом дискурсе работают скорее на укрепление авторитета церкви.

Тем не менее провал государства в этой сфере и рост влияния церкви необязательно подразумевают десекуляризацию общества. Важное значение, которое придается монументальным

культовым зданиям, свидетельствует о центральной роли православия как маркера идентичности, но необязательно отражает рост влияния религии в грузинском обществе. С другой стороны, игры власти в публичном пространстве и проистекающая отсюда поляризация говорят о невозможности для церкви утвердить свою гегемонию. К тому же в Тбилиси появилась и третья архитектурная достопримечательность, дополняющая символическую географию города, — «деловой центр» Бидзины Иванишвили на холме *напротив* Авлабари, близ статуи Матери Картли (Матери Грузии). В этой тройственности символически прочитывается современная Грузия, где разделены власть политическая, власть религиозная и власть бизнеса.

Перевод с французского Галины Вдовиной

Библиография / References

«Грузинская мечта» протестует против восстановительных работ в Баграти // News.Ge, 16.06.2012 [http://news.ge/ru/news/story/18948-gruzinskaja-mechta-protestuet-reabilitacionnye-raboty-bagrati, доступ от 17.10.2012].

Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 114–174.

Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия 1964 г.) [http://www.icomos.org/charters/venice_f.pdf, доступ от 27.03.2016]

Официальный сайт президента [http://www.president.gov.ge/en/ThePalace/History, доступ от 16.10.2012].

Решение 34 COM 7B.88 Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО [http://whc.unesco.org/fr/decisions/4196, доступ от 10.02.2016].

Решение 35 COM 7A.29 [http://whc.unesco.org/fr/decisions/4363, доступ от 10.02.2016].

Решение 37 COM 7A.32, принятое на тридцать седьмой сессии [http://whc.unesco.org/fr/decisions/5009, доступ от 10.02.2016].

ბაგრატის ტაძარი — ასლი თუ ორიგინალი [Собор Баграти: копия или оригинал?] // ტაბულა [Табула]. 25.06.2012.

ბაგრატის ტაძარში სარესტავრაციო სამუშაოების შეჩერებას ითხოვს [Патриарх требует остановить реставрационные работы в соборе Баграти] // Сайт Фонда Католикоса-Патриарха. 17.06.2012.

ბაგრატის ტაძრის კურთხევა [Освящение собора Баграти] // Сайт Фонда Католикоса-Патриарха. 16.09.2012 [http://www.patriarch.ge/news/id/1199, доступ от 10.02.2016].

პატრიარქი ბაგრატის ტაძარში სარესტავრაციო სამუშაოების შეჩერებას ითხოვს [Патриарх требует восстановить собор Баграти] // Сайт Фонда Католикоса-Патриарха. 17.06.2012 [http://patriarch.ge/news/id/1051, доступ от 20.11.2012].

საქაშვილი: ”ბაგრათის თაძარი უნდა აღდგეს, ამაზე მე საერთ’ოდ არ შევიც’ვლი აზრს ” [Саакашвили: собор Баграти должен быть реконструирован, я не изменил сво-

его мнения] // Civil.ge. 22.10.2009 [http://www.civil.ge/geo/article.php?id=21908, доступ от 10.07.2013].

"'Gruzinskaia mechta' protestuet protiv vosstanovitel'nykh rabot v Bagrati" ["Georgian Dream" protests against the restoration work in Bagrati] (2012), *News.Ge*, 16.06.2012 [http://news.ge/ru/news/story/18948-gruzinskaja-mechta-protestuet-reabilitacionnye-raboty-bagrati, accessed on 17.10.2012].

Andézian, S. (2010) "Introduction: Procès de Foundation", *Archives des Sciences sociales des Religions* 151: 9-23.

Antonyan, Y. (2015) "Political Power and Church Construction in Armenia", in A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde (eds) *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*. Routledge.

"Bagratis tažari — asli t'u originali" [Bagrati Cathedral: copy or original] (2012), *Tabula*. 25.06.2012.

"Bagratis tažarši sarestavrac'io samušaoebis šeč'erebas it'xovs" [Patriarch demands to stop restoration work in Bagrati Cathedral], Sait Fonda katolikosa-patriarkha. 17.06.2012.

"Bagratis tažris kurt'xeva" [Consecration of Bagrati Cathedral] (2012), Sait Fonda katolikosa-patriarkha. 16.09.2012 [http://www.patriarch.ge/news/id/1199, accessed on 10.02.2016].

Capelle-Pogacean, A. (2008) "L'orthodoxie Nationale en Roumanie, le Miroir Eclaté ?", in A. Capelle-Pogacean, P. Michel, E. Pace (eds) *Religion(s) et Identité(s) en Europe*, pp. 177-211. Paris : Les presses de Sciences Po.

Casanova, J. (2008) "Public Religions Revisited", in H. de Vries et al. *Religion: Beyond a Concept*, pp. 101-119. New York. Fordham University Press.

Cathédrale de la Trinité de Tbilissi, *Wikipedia* [http://fr.wikipedia.org/wiki/Cath%C3%A9drale_de_la_Trinit%C3%A9_de_Tbilissi, accessed on 15.10.2012].

Colas, D. (2006) *Sociologie Politique*. Paris : PUF-Quadrige.

Gordadze, T. (2006) *Formation Socio-Historique de la Nation Géorgienne. Les legs des Identités Pré-Modernes, les Idéologies et Acteurs Nationalists*. Dissertation, supervisor D. Colas.

Janelidze, B. (2015) "Secularization and desecularization in Georgia: State and Church under the Saakashvili Government (2003-2012)", in A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde (eds) *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*, pp. 63-80. Routledge.

Karpov, V. (2010) "Desecularization: A Conceptual Framework", *Journal of Church and State* 52(2): 232–270.

K'ek'elia T, Gavashelishvili E, Ladaria K', Sulkhanishvili I. (2013) *Mart'lmadidebeli eklesiis roli k'art'uli nac'ionaluri identobis č'amoqalibebaši (XX saukunis bolo- XXI saukunis dasacqisi)* [Orthodox Church in formation georgian national identity at the end of XX — begining of XXI century]. Academic Swiss Caucasus Network, Tbilissi.

Köllner, T. (2013) "Businessmen, Priests and Parishes. Religious Individualization and Privatization in Russia", *Archives de sciences sociales des religions* 162: 37-53.

Manning, P. (2008) "Materiality and Cosmology: Old Georgian Churches as Sacred, Sublime, and Secular Objects", *Ethnos* 73(3): 327-360.

Mezhdunarodnaia khartiia po konservatsii i restavratsii pamiatnikov i dostoprimechatel'nykh mest (Venetsianskaia khartiia 1964 g) [International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites (the Venice Charter 1964)] [http://www.icomos.org/charters/venice_f.pdf, accessed on 27.03.2016].

Ofitsial'nyi sait prezidenta [Official site of the President] [http://www.president.gov.ge/en/ThePalace/History, accessed on 16.10.2012].

"Patriark'i bagratis tažarši sarestavrac'io samušaoebis šeč'erebas it'xovs" [Patriarch calls to restore Bagrati Cathedral] (2012), Sait Fonda katolikosa-patriarkha. 17.06.2012 [http://patriarch.ge/news/id/1051, accessed on 20.11.2012].

Reshenie 34 COM 7B.88 Komiteta vsemirnogo naslediia UNESCO [Decision 34 COM 7B.88 UNESCO World Heritage Committee] [http://whc.unesco.org/fr/decisions/4196, accessed on 10.02.2016].

Reshenie 35 COM 7A.29 [Decision 35 COM 7A.29] [http://whc.unesco.org/fr/decisions/4363, доступ от 10.02.2016].

Reshenie 37 COM 7A.32, priniatoe na tridtsat' sed'moi sessii [Decision 37 COM 7A.32 adopted by the thirty-seventh session] [http://whc.unesco.org/fr/decisions/5009, доступ от 10.02.2016].

"Saakashvili: New Presidential Palace 'Costs a Trifle'", *Civil Georgia*, 11.07.2009. [http://www.civil.ge/eng/article.php?id=21220, accessed on 17.10.2012].

"Saak'ašvili: "bagrat'is t'ažari unda aġdges, amaze me saert''od ar ševic''vli azrs" [Saakashvili: Bagrati Cathedral must be reconstructed, I have not changed my mind] (2009), *Civil.ge*. 22.10.2009 [http://www.civil.ge/geo/article.php?id=21908, accessed on 10.07.2013].

Serrano, S. (2013) "La Construction en Géorgie d'une Laïcité Postsoviétique : Mise en œuvre, Mise en Cause et Résistance", *Revue d'études comparatives Est-Ouest* 44 (01): 77-112.

Zviadadze, S. (2014) *Politik und Religion in Georgien, Die Beziehungen von Staat und Kirche und Säkularisierungsproblematik im postkommunistischen Georgien*. Hambourg Verlag Dr. Kovač.